

МБУК "Межпоселенческая библиотека"
МО Темрюкский район
Отдел обслуживания

По страницам
журнала "Родина"
Легенды Родины

буклет

Темрюк, 2020 г.

ББК: 91

П41

Составитель: библиограф отдела обслуживания Попсуй Н. Ю.

Ответственный за выпуск: директор «Межпоселенческая библиотека» МО Темрюкский район Асланова Л. Б.

По страницам журнала «Родина». Легенды Родины [Текст] : буклет / МБУК «Межпоселенческая библиотека» МО Темрюкский район, отдел обслуживания ; [сост. Н. Ю. Попсуй ; отв. за вып. Л. Б. Асланова]. - Темрюк, 2020. - 16 с.

Данный материал взят из ежемесячного, исторического иллюстрированного журнала «Родина».

Популярный исторический журнал "Родина" — это продолжение традиций научно-популярной исторической журналистики, заложенных создателями одноименного дореволюционного издания еще в 1879 году. Современная "Родина" выходит с января 1989 года и неизменно предоставляет читателю богатый просветительский материал.

Текст: Николай Борисов, доктор исторических наук

Эпоха преподобного Сергия

О Великой Руси XIV, «сергиевского», столетия мы беседуем с крупнейшим знатоком этого века нашей истории, заведующим кафедрой отечественной истории до XIX века Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, профессором Николаем Сергеевичем Борисовым

Дмитрий Иванович был очень религиозным человеком — религиозным не формально, а внутренне — человеком, который чувствовал над собой руку Бога. Он верил, что он избран Богом для совершения какой-то особой миссии.

Куликовская битва — звёздный час князя Дмитрия. Его поведение в ней — это, конечно, поведение человека глубоко религиозного. Не случайно он ездил к преподобному Сергию: ему нужно было услышать прозорливое слово праведника. Он волновался, как любой человек, он боялся погибнуть на Куликовом поле. Любой из нас боялся бы... И Сергей сказал ему: ты будешь жить! И с этой верой Дмитрий твёрдой стопой пошёл на Куликово поле... Но после Куликовской битвы в Орде, к несчастью, появился новый правитель — Тохтамыш. Против него Дмитрий уже не сумел собрать войска — просто потому, что уже не оставалось серьёзных сил после огромных потерь на Куликовом поле. Помимо этого, само стечение обстоятельств оказалось фатальным. И дело кончилось трагическим разгромом Москвы в августе 1382 года. Да, есть точка зрения, согласно которой, Дмитрий выступил против Мамаю потому, что Мамай был не ханом, не чингизидом, а временщиком, узурпатором.

Другое дело, что эта идея («мы выступили не против Орды вообще, а только против Мамаю») не выдумана историками. Она родилась сразу после 1380 года — когда вдруг замаячило на горизонте полчище Тохтамыша и Дмитрий понял, что воевать с ним сил нет, что надо налаживать отношения. Вот тогда-то — через

своих послов, через своих дьяков — он и начинает «раскручивать» ту идею, что воевал он на Куликовом поле не против Орды вообще, а только против Мамайя.

Таким образом, была определённая политическая конъюнктура — и была историческая реальность. Эта историческая реальность состоит в том, что Куликовская битва — великое восстание, война за независимость, героев которой мы должны помнить и чтить.

— История о благословении Сергием Дмитрия, о посланных им с Дмитрием иноках Пересвете и Ослябе — это сюжет, который прочно вошёл в нашу историческую мифологию. Мифология — это не обязательно враньё.

Надо представить себе ситуацию лета 1380 года. С юга на Москву движется огромное полчище. Мамай собрал в степях всех, кого можно было собрать: он понимал, что это будет решающее сражение. А Дмитрий оказывается в очень тяжёлом положении. В предыдущие годы очень много говорилось между князьями о необходимости борьбы, о том, что не надо платить дань. Все князья обещали поддержать Дмитрия. И вот теперь, когда настало время действовать, выясняется, что всё это — разговоры. Никто из сильнейших русских князей к Дмитрию не явился. Дмитрий видит, что фактически остаётся с Мамаевой ордой один на один. И Дмитрий понимает, что единственный способ спасти положение — это собрать народное ополчение. То есть поднять крестьян и горожан — тех, кто обычно на войну не ходил, воевать не умел и оружия не имел. Но, чтобы поднять их, нужно, чтобы они поверили, что это не просто война, а священная война, каждый погибший на которой попадает как мученик в рай. Что это не авантюра Дмитрия (как, вероятно, многие тогда считали), а святое дело, ради которого действительно стоит положить жизнь. В общем, для того, чтобы собрать ополчение, чтобы оно не разбежалось по дороге, нужно, чтобы кто-то из уважаемых церковных деятелей произнёс: это священная война. Среди высокопоставленных церковных деятелей

всенародно любимых тогда не было. Таким был только скромный игумен Сергей.

В чём же загадка таинственной власти преподобного Сергия? Почему именно этот человек стал так почитаем в русской истории? Вероятно, потому, что Сергей сумел стать таким, каким требует Евангелие. Своё отношение к людям он строил на евангельских принципах. Разумеется, эти принципы были всем известны. Но в реальной жизни никто до этой евангельской «планки» не дотягивается. Это вечная проблема. Как надо жить, мы все понимаем, а живём не совсем так — или совсем не так, — как надо. Вот и тогда было то же самое. Все понимали, как надо жить, а жили «как получится». И среди этого нравственного хаоса преподобный Сергей жил так, как требовало Евангелие. Всех любил, всех жалел, никому не отказывал, даже денег не спрашивал, чтобы принять в свой монастырь нового инока. Ну, наверное, — Сергей Радонежский тоже живой человек был — какие-то грешки и у него случались. Но в целом он нравственную планку своей жизни поднял так высоко, как никто. И люди это знали, люди приходили к нему в монастырь и видели, как он и огород сам копает, и воду носит из родника, и в нужде последний сухарь с братьями делит, — словом, живёт так, как учит. «Простота без пестроты» — эта знаменитая формула агиографа, рассказывающего о жизни Сергия, объясняет многое... В мире, где материальное и духовное сливались до неразличимости, нравственное совершенство давало человеку таинственную силу чудотворца. Сергей не искал славы и поклонения. Но всё это стало высокой ценой его лесного подвижничества. И вот нужно было, чтобы Сергей освятил своим авторитетом этот поход, чтобы он благословил Дмитрия на священную войну. Здесь, конечно, были большие опасения у Дмитрия, что Сергей может его и не принять и не дать благословения. Ведь Сергию многое не нравилось в поведении Дмитрия — к примеру, та жестокость, грубость, с которой тот обращался с иерархами: одного в темницу бросил, другого на

осмеяние выставил... Но Сергей понял, что должен всё забыть, всё простить и дать князю благословение, потому что речь идёт не столько о самом Дмитрие, сколько о судьбе Москвы, всего русского народа. И он благословил Дмитрия.

А дальше всплывает вот эта странная на первый взгляд история с двумя иноками. Зачем посылать на битву монахов, что они там будут делать? На первый взгляд всё это похоже на сказку. Но на фоне тогдашней реальности здесь всё логично и объяснимо. Дело в том, что благословение Сергия московскому войску нужно было как-то «воплотить». Чтобы все люди видели и знали: да, это не какие-то слухи, не обман. А в то время все знали, что монах не может выйти из монастыря без благословения игумена. И все (ну, может, не все, но многие) в Москве знали, кто такие эти Пересвет и Ослябя. И Сергей нашёл блестящее решение проблемы: послал с Дмитрием двух своих иноков, людей известных. Дмитрий постоянно возил их с собой, они ехали рядом с ним — в своих монашеских облачениях, в схимах, — и все знали, что это иноки Троицкого монастыря. И что если они едут с князем на войну, значит, «великий старец» — как называли Сергия современники — благословил этот поход. Иное невозможно. А раз Сергей благословил поход, значит, эта война — священная. Значит, надо хватать какое ни на есть оружие и идти вслед за Дмитрием.

Странности, однако, на этом не заканчиваются. Остаётся непонятным и то, что заставило Дмитрия Ивановича стремиться получить благословение именно Сергия, а не его племянника Феодора, настоятеля Симонова монастыря, который располагался совсем рядом (рядом с современной станцией метро "Автозаводская")? Да и как можно было надеяться на благословение Сергия или Феодора, если всего за два года до этого они, судя, по всему, поддержали митрополита Алексея, конфликтовавшего с Дмитрием из-за стремления последнего во что бы то ни стало поставить на митрополию своего приближённого Митяя-Михаила? Ведь именно к ним, к Сергию и Феодору, обращался и следующий, "законный" митрополит Киприан: *"Не утаилось от вас и от всего рода христианского, как обоились со мной, - как не обходились ни с одним святителем с тех пор, как Русская земля стала. Я, Божиим изволением и избранием великого и святого собора и поставлением вселенского патриарха, поставлен митрополитом на всю Русскую землю, о чём вся вселенная ведаёт. И ныне поехал было со всем чистосердечием и доброжелательством к князю великому (Дмитрию Ивановичу. - И. Д.). и он послов ваших разослал, чтобы меня не пропустить, и ещё заставил заставы, отряды собрав и воевод перед ними поставив; и какое зло мне сделать, а сверх того и смерти предать нас без милости, - тех научил и приказал. Я же, о его бесчестии и душе больше тревожась, иным путем прошёл, на своё чистосердечие надеясь и на свою любовь, какую питал к князю великому, и к его княгине, и к его детям. Он же приставил ко мне мучителя, проклятого Никифора. И осталось ли такое зло, какого тот не причинил мне! Хулы и надругательства, насмешки, грабёж, голод! Меня ночью заточил нагого и голодного. И после той ночи холодной и ныне страдаю. Слуг же моих - сверх многого и злого, что им причинили, отпуская их на клячах разбитых без сёдел, в одежде из лыка, - из города вывели ограбленных и до сорочки, и до штанов, и до подштанников; и сапог, и шапок не оставили на них!"*

Заключается это послание, датированное 23 июня 1378 года, проклятием: *"Но раз меня и моё святительство подвергли такому бесчестию, - силою благодати, данной мне от Пресвятой и Живоначальной Троицы, по правилам святых отцов и божественных апостолов, те, кто причастен моему задержанию, заточению, бесчестию и поруганию, и те, кто на то совет давали, да будут отлучены и неблагословенны мною, Киприаном, митрополитом всея Руси, и прокляты, по правилам святых отцов!"* Другими словами, как считает большинство исследователей, Дмитрий Иванович тогда был отлучён от церкви и проклят. Правда, ни Сергей, ни Феодор Киприана в тот момент не поддержали. Как отмечает В. А. Кучкин, *"в момент решительного столкновения между московским великим князем и поставленным в Константинополе митрополитом у них не хватило мужества заступиться за своего духовного владыку и осудить владыку светского, но своей принципиальной линии Сергей (в отличие от Фёдора) не изменил, через несколько месяцев поручившись за Дионисия"*. Тем не менее всё это делает проблематичным благословение Дмитрия игуменом Сергием.

Что же на самом деле происходило в конце лета 1380 года? Можем ли мы это установить? И, главное, понять, действительно ли Сергей Радонежский сыграл едва ли не решающую роль в выступлении Дмитрия Московского против Мамаея?

Для ответов на эти вопросы мы должны обратиться к историческим источникам, которые донесли до нас информацию о тех событиях.

На протяжении многих десятилетий древнерусские книжники неоднократно обращались к сражению, произошедшему в 1380 году на Куликовом поле. Его описания со временем обрастали всё новыми подробностями, чтобы приблизительно к середине XV века приобрести тот вид, который вполне соответствует нынешним "средним" представлениям о Мамаевом побоище. К числу источников, объединяемых в так называемые памятники

Куликовского цикла, относятся летописные повести, *"Задонщина"*, *"Сказание о Мамаевом побоище"*, а также *"Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича"*.

История этих памятников выстраивается, по большей части, на основании текстологических наблюдений. Однако взаимоотношения текстов данных источников столь сложны, что не позволяют прийти к однозначным выводам. Поэтому датировки отдельных произведений этого цикла носят приблизительный характер.

Наиболее ранними являются тексты летописной повести о Куликовской битве. Они сохранились в двух редакциях: краткой (в составе Симеоновской летописи, Рогожского летописца и Московско-Академического списка Суздальской летописи) и пространной (в составе Софийской первой и Новгородской четвёртой летописей). Ныне общепринятым является представление, что краткая редакция, появившаяся приблизительно в конце XIV - начале XV века, предшествовала всем прочим повествованиям о Куликовской битве. Пространная же редакция летописного повествования, которая, по мнению большинства исследователей, могла появиться не ранее 1440-х годов, испытала на себе явное влияние более поздних текстов. К их числу относится, в частности, *"Задонщина"*. В число аргументов, на которые ссылаются исследователи, пытающиеся определить время появления этого поэтического описания Мамаева побоища, входят все мыслимые доводы, вплоть до признания "эмоциональности восприятия событий" свидетельством в пользу создания её "современником, а, возможно, участником" битвы. С другой стороны, наиболее поздние датировки относят её текст к середине - второй половине XV века.

Самым поздним и одновременно наиболее обширным памятником Куликовского цикла является, по общему мнению, *"Сказание о Мамаевом побоище"*. Оно известно приблизительно в полутора ста списках, ни один из которых не сохранил

"приспѣла грамота отъ преподобнаго игумена Сергия и отъ святаго старца благословение; в неуже написано благословение таково, веля ему битися с Тотары: "Чтобы еси, господине, таки пошель, а поможеть ти Богъ и святаа Богородица". Находим мы в этой повести и имя Александра Пересвета с новым уточнением: *"бывыйи прежде бояринъ Брянский"*. А вот имени Осляби здесь нет, как нет и упоминания о том, что Пересвет - теперь - монах.

Остаётся лишь гадать, как послание Сергия, о котором идет здесь речь, попало в руки Дмитрия Донского. Ярким примером таких догадок, опирающихся, очевидно, лишь на "чутьё сердца", к которому прибегают некоторые авторы, которые пытаются *"угадать то, на что не дают ответа соображения рассудка"*, являются рассуждения А. Л. Никитина. По его мнению, единственным посланником, который мог доставить великому князю грамоту Сергия, был Александр Пересвет. Основанием для такой догадки является целый ряд допущений и предположений, ни одно из которых не опирается на известные нам источники: тут и предположение о том, что Дмитриевский Рязский мужской монастырь мог быть основан именно на том месте, где московского князя догнало послание Сергия Радонежского, и то, что в этом месте сам Дмитрий Иванович мог оказаться, поскольку *"следовал первоначальному сообщению разведчиков, что ордынцы находятся в верховьях Цны"*, и то, что Пересвета мог послать князь Дмитрий Ольгердович, а сам Пересвет мог ехать из Переславля, а по дороге он *"не мог не ночевать"* в Троицком монастыре, где ему - *"вполне естественно"* - игумен *"мог передать... "грамотку" московскому князю"*... Впрочем, заключает сам автор этих умозрительных построений, *"я не настаиваю на том, что всё так именно и происходило, однако это единственное возможное объяснение того факта, что Пересвет оказался столь тесно связан традицией с преподобным Сергием, а ратный подвиг брянского боярина приобрёл поистине эпические размеры"*. Только так, по мнению этого автора, *"становятся понятны колебания авторов и*

редакторов повествований о Куликовской битве между "иноком", "чернецом" и "боярином", поскольку - следуя логике - кого, как не своего инока, Сергей мог послать к великому князю". Однако такие построения вряд ли имеют какое-то отношение к науке: количество "возможностей" здесь обратно пропорционально степени достоверности полученных результатов.

Дмитрий Донской, сопровождаемый князьями и боярами, объезжает Куликово поле после битвы 8 сентября 1380 года.

/ гравюра предположительно Бориса Чорикова (1802–1866)

Привычный же нам развёрнутый рассказ о визите Дмитрия Ивановича к Троицкому игумену появляется лишь в *"Сказании о Мамаевом побоище"*, через сто с лишним лет после знаменитого сражения <...> В этом рассказе Сергей оправдывает и задержку Дмитрия, связанную с заездом в монастырь, и предсказывает скорую победу над врагом, которым - неожиданно - оказываются некие "половцы". А Пересвет и Ослябя - уже не просто монахи, но схимники, принявшие "третий постриг" - великую схиму (что, между прочим, запрещало им брать в руки оружие). Дмитрий

Иванович, согласно "*Сказанию*", не сразу направляется в Коломну, а предварительно заезжает в Москву, чтобы сообщить митрополиту Киприану (которого на самом деле в Москве в это время быть не могло) о благословении Сергия Радонежского - чем ещё больше задерживает своё выступление на приближающегося врага. Мало того, из дальнейшего повествования следует, что уже на Куликовом поле князя догнал некий "*посоль с книгами*" от Сергия Радонежского. Что же заставило автора "*Сказания*" отступить от того, что мы называем достоверным рассказом, и столь большую роль отвести Сергию Радонежскому (а заодно и митрополиту Киприану)?

Судя по всему, все эти дополнения связаны прежде всего с тем временем, когда было написано "*Сказание*" - когда после ликвидации независимости Новгорода в 1478 году Иван III присоединил не только земли новгородских бояр, но и часть земельных владений новгородской церкви. Эти действия московского князя насторожили представителей церкви. В том же году между Иваном III и митрополитом Геронтием произошёл конфликт по поводу управления Кирилло-Белозерским монастырем. В 1479 году великий князь обвинил митрополита в том, что тот неверно совершил крестный ход при освящении Успенского собора (пошёл против движения солнца), но митрополит не признал своей ошибки. Тогда Иван III запретил ему освящать новые церкви в Москве. Геронтий уехал в Симонов монастырь и пригрозил, что не вернётся, если великий князь ему не "*добьёт челом*". Великому князю, только что с трудом ликвидировавшему мятеж братьев - удельных князей, приходилось лавировать. Он нуждался в поддержке церкви, а потому был вынужден послать своего сына на переговоры к митрополиту. Геронтий, однако, был твёрд в своей позиции. Ивану III пришлось отступить: он обещал впредь слушать митрополита и не вмешиваться в дела церкви.

Идеологическим основанием для выстраивания новых отношений с государством для церкви стал прецедент с попыткой

Дмитрия Донского поставить на митрополичью кафедру своего ставленника - Митяя-Михаила, из-за чего и произошёл конфликт с Киприаном, о котором мы упоминали в самом начале статьи. С этой целью в летописание 1470-1480-х годов была включена "*Повесть о Митяе*", в которой осуждалось вмешательство светских властей в вопросы, составлявшие прерогативу церкви. Вместе с тем церковь приложила все усилия, чтобы в глазах современников и потомков подчеркнуть свою роль в борьбе с Ордой. Именно поэтому в "*Сказание о Мамаевом побоище*" и были вставлены легендарные эпизоды о благословлении Дмитрия Донского Сергием Радонежским и о посылке на брань двух "*иноков*": Осляби и Пересвета. Так Сергей Радонежский стал не только организатором монастырской реформы, которая сыграла громадную роль в подъёме авторитета церкви в целом и монастырей в частности, но и вдохновителем победы московского князя на Куликовом поле.

Использованный источник:

- 1. Борисов, Н.** Как Эпоха преподобного Сергия [Текст] / Н. Борисов // **Родина.** - 2014. - №5. - С. 4-8. - Современные размышления.
- 2. Данилевский, И.** Как Сергей Радонежский стал героем Куликовской битвы [Текст] / И. Данилевский // **Родина.** - 2014. - №5. - С. 11-15. - Наше исследование.

**МБУК «Межпоселенческая библиотека»
муниципального образования
Темрюкский район
г. Темрюк, ул. Ленина, 88,
тел. 8(86148)5-23-93;
e-mail: knigatem@rambler.ru**